

ЗИНА КУЗНЕЦОВА

**ЗВОНКИЕ
ЧУВСТВА**

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Художественное оформление *Р. Фахрутдинова*

Иллюстрация на переплете *Markass*

Кузнецова, Зина.

К89 Звонкие чувства / Зина Кузнецова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-225614-1

В языковом центре, где целеустремленная одиннадцатиклассница Роза учила английский, однажды в нее влюбился Митя Елисе-ев. Он делал все, чтобы покорить Розино сердце, а Роза всерьез его не воспринимала — ведь он был младше. Зачем он ей?

Школа закончилась, их дороги разошлись. Но вдруг, уже повзрослев и поступив в университет, в новом знакомом Роза узнает все того же мальчишку из детства. Только теперь Митя вырос, возмужал и, кажется, забыл о прежней юной влюбленности. Зачем она ему?

Только любви ведь не прикажешь. И Роза вдруг ощутила, как в груди у нее зарождаются звонкие чувства.

Смогут ли Митя и Роза на этот раз не упустить свою любовь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225614-1

© Кузнецова З., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Часть первая

1

Полуденное июльское солнце через огромное окно кафе светило прямо в щеку щуплого, невысокого и кудрявого мужчины, который сидел напротив такой же кудрявой, темноволосой, совсем юной девушки. Мужчина недовольно морщился и пытался закрыться от лучей, а девушка непринужденно изучала меню.

— Что-то жаркое место мы с тобой выбрали, Роза, — недовольно сказал мужчина, проведя бледно-желтым носовым платком по взмокшему лбу.

— Зато смотри, какой вид красивый...

Девушка повернула голову и с улыбкой подставила лицо солнечным лучам. Это небольшое кафе стояло на столбах прямо в небольшом городском пруду, и в его окна глядели две златоглавые церкви.

— Вид... — недовольно повторил мужчина, в очередной раз протирая лоб платком, а потом раздраженно зашептал: — Это называется «увидеть и умереть». Ты хоть представляешь, как солнечные лучи вредны! Ультрафиолет, понимаешь? Это преждевременное старение, я уже не говорю про рак. Что ты скажешь, если именно на этой щеке, — он ткнул пальцем в щеку, на которую падали солнечные лучи, — образуется опухоль?

— Дядя Виля, — с улыбкой сказала Роза. Видно было, что ей не привыкать к нервозности дяди, — ты еще меня переживешь.

Они сделали заказ подошедшей официантке и снова вернулись к разговору.

— Переживешь... — протянул дядя Виля. — Даже укус комара может вызвать заражение крови, а заражение крови — это все, понимаешь? А клещи! Говорят, в этом году они особенно оживились! И, в конце концов, очень мне нужно тебя переживать. В моих планах умереть в окружении родных, а не в угрюмом одиночестве, так что передай матери и заруби на носу, что вам в этом мире нужно задержаться.

Роза кивнула и с восхищением уставилась на огромный молочный коктейль со взбитыми сливками, который перед ней только что поставила официантка. Роза нечасто лакомилась такими изысками — только раз в месяц, когда дядя Виля получал зарплату и мог себе позволить сводить племянницу в кафе. Они стали так выбираться еще три года назад, когда развелись Розины родители. Дядя Виля сначала брал племянницу в кафе, чтобы дать тем поговорить, потом — чтобы развеять ее тоску по отцу, ну а сейчас такие вылазки стали просто их приятной традицией. Дядя вознамерился поддерживать с племянницей теплые отношения сначала из-за страха умереть в одиночестве и никому не нужным, а потом, потому что Роза, чуть повзрослев, вдруг стала приятным и веселым собеседником.

Звонкие чувства

— И все-таки мы пересядем! — сказал дядя Виля, затем схватил коктейль, который Роза уже собиралась попробовать, и направился к столу в глубине кафе, куда не попадали солнечные лучи.

Розе было некуда деваться, и она последовала за дядей. Когда они устроились за новым столом, и официантка принесла остальные блюда, дядя Виля спросил:

— Какие-то новости?

— Стала ходить на курсы по английскому.

— В июле?

— Ага. Я хотела сразу уже купить курс по подготовке к ЕГЭ, но у них пока такого нет. Обещали, что будет с сентября. Я пока хожу просто для повышения уровня.

— Я бы на твоём месте пяток из-под одеяла не показывал, пока возраст позволяет, а ты пошла учиться.

— А что поделать? Я либо учусь, либо пролетаю мимо МГУ.

— Мимо некоторых вещей лучше пролететь, еще и двигатель включив.

Роза мечтала поступить в МГУ с тех пор, как осознала, насколько небогато и в чем-то даже бедно они с дядей и мамой живут. Ее гордость страдала, и она мечтала выбиться в самые верха. Слова дяди несколько не задели ее, она уже научилась пропускать мимо ушей его бурчания.

Дядя Виля считал, что в жизни человек должен быть свободен. И, по его философии, никоим обра-

зом свободу нельзя обрести ни в одном из мест, имеющем громкую аббревиатуру: ни в МГУ, ни в загсе... Сам дядя Виля абсолютной свободой не обладал. Он работал хирургом в городской больнице. Получал, как он сам говорил, чудовищно мало, людей не любил, но работу не менял. «Ну а кто, если не я? Сейчас студенты предпочитают оставаться в больших городах. У нас в городе хирургов — полтора человека. Раз выучился, буду оперировать». Роза всегда удивлялась, как невысокий, щупленький, нервный дядя Виля, всем своим видом выражающий неуверенность, может решительно орудовать ножом в операционной и брать на себя такую страшную ответственность. Но справлялся со своей работой он действительно прекрасно, и, гуляя по городу с ним, Роза не раз видела, как к нему подходили пациенты и крепко жали руку. Абсолютно лишенный обаяния, дядя Виля что-то бормотал в ответ и старался поскорее улизнуть, но Роза чувствовала, что все-таки он рад был слышать эти слова благодарности.

Роза обожала дядю. Дядю и маму. А больше никого. Но ей и не хотелось любить кого-то еще.

— Спасибо за обед, дядя Виля! — сказала Роза, когда они уже вышли из кафе.

— Ты на курсы?

— Ага.

Вдруг Роза увидела, как к остановке подкатил нужный ей автобус, поэтому она поцеловала дядю в щеку, крикнула: «До свидания, до встречи!» — и, за-

скочив на ступеньку автобуса за секунду до того, как двери закрылись, уехала.

У входа в недавно открывшийся небольшой языковой центр Розу ждала подруга.

— Опаздываешь, — сказала Люся. — Опять.

В груди у Розы загорелось раздражение:

— Да ладно тебе.

Вместе они вошли в маленький холл, на полу которого красовался красно-синий логотип языкового центра.

— Девочки, урок уже пять минут идет, — сказала администратор.

Раздражение в груди Розы разгоралось все больше.

— Мы бежали со всех ног, — ответила она, стараясь не огрызнуться. Вероятно, если бы это был кто угодно другой, Роза не стала бы сдерживаться и нагубила, но эта женщина нравилась ей своим стерженным. Она выглядела так, будто должность администратора — одолжение, которое она делает этому языковому центру.

Но вот Люся сдерживаться не стала:

— Вам-то какое дело! — бросила она и быстро прошла мимо.

Люся была большой девочкой: высокой, почти под два метра, и полной. И ее раздраженный топот действовал на нервы с утроенной силой.

Роза увидела, как расширились глаза администратора, и ей мгновенно стало жаль ее. Пока подру-

ги шли к своему классу, Роза сверлила Люсину спину недовольным взглядом.

Когда они постучали и вошли, преподаватель Людмила Анатольевна, беременная молодая женщина, что-то объясняла у доски.

— Извините, — сказала Роза, опережая Люсю. Той не хватало такта и вежливости, и не хотелось, чтобы Людмиле Анатольевне досталась вспышка Люсиного раздражения. Не сказать, чтобы та нравилась Розе. Скорее даже нет — казалось, слишком несерьезно преподавательница относилась к подготовке детей к экзаменам и слишком часто забывала английские слова. Но все же она была просто милой, обаятельной и красивой женщиной, с которой всегда можно было пошутить на уроке, и Роза не особо страдала, учась у нее.

— Ничего, ничего, садитесь, — сказала Людмила Анатольевна.

Свободные места были в разных концах класса, поэтому девочки разошлись. Роза села рядом с Митей Елисеевым, светловолосым восьмиклассником, по уши в нее, Розу, влюбленным. Она о его любви узнала сразу же, как только это чувство зародилось в его сердце. Это случилось на самом первом уроке в языковом центре. Их распределили по парам, чтобы они пересказали друг другу прочитанный текст, и Роза оказалась с Митей.

— Это лето Майкл планирует провести на отдыхе, будет заниматься серфингом... — стал тогда пересказывать Митя на английском, поглядывая на страницу учебника.

— Жаль, что не все мы этим летом Майкл, — пошутила Роза, искренне улыбнувшись.

Она знала, что шутка вышла плоской, несмешной и глуповатой, на такие улыбаются из вежливости, но, когда Роза подняла глаза от учебника, она наткнулась на внимательный Митин взгляд. Тогда это и случилось. Мгновенно. Совершенно неоправданно, необоснованно и странно. Роза почувствовала ту самую секунду, когда в нем что-то щелкнуло и она стала для него большой первой любовью.

Митя казался Розе милым, но не более. Симпатичный худощавый мальчишка, с которым она искренне смеялась, который всегда провожал ее до дома и который под предлогом узнать домашнее задание писал ей в соцсетях. От ответной симпатии к нему ее останавливало только то, что в этом году она уже перешла в одиннадцатый класс, а он — только в восьмой.

Как-то раз Люся, готовившаяся к ЕГЭ по литературе, читая рассказы Бунина, увидела в оглавлении сборника повесть «Митина любовь» и, посмеиваясь, притащила с собой книгу в языковой центр, чтобы показать Розе:

— Про вас, — сказала она.

— Отстань.

— Между прочим, там все плохо закончилось, я специально для тебя прочитала. Была там такая одна девочка, которая ему изменила, не оценила его любви и потом он застрелился. Так что ты бы приоткрылась к парню. А то вдруг все Мити, как этот, — Люся ткнула пальцем в книгу.

— Я что, сумасшедшая? Во-первых, ни за что и никогда я не буду встречаться с парнем младше меня. И ты сама подумай. Если бы он был хотя бы в десятом, но ведь у него только-только сломался голос! И еще он ниже меня на две головы! Это уже совсем ненормально. Ты бы сама на такого внимание обратила? Слишком ма-лень-кий!

— Кто маленький? — спросил Митя, проходя мимо.

— Никто! — отозвалась Роза и напряглась, не выкинет ли чего такого Люся, которая любила ставить людей в неловкое положение, но подруга засмеялась и помахала рукой, как бы говоря, что ничего важного.

Итак, Роза села рядом с Митей и убрала кудрявые волосы в пучок, чтобы освежить взопревшую шею, затем положила ногу на ногу и повернулась к своему соседу. Он тут же отвел взгляд.

— Так что сегодня проходим? — спросила Роза, с улыбкой рассматривая его покрасневшие щеки.

«Какой же он милый зайчик», — подумала она.

Митя ответил не сразу, растерянно водя глазами по странице учебника.

— Пассив, — наконец сказал он.

Солнечные лучи лежали на полу класса. Из распахнутого окна слышались бойкие песни скворцов, шум машин и гомон голосов тех, кто проходил под окнами языкового центра. Людмила Анатольевна, положив одну руку на большой живот, неспешно объясняла материал своей маленькой группе уче-

ников, а Митя с Розой, особенно развеселившись непонятно отчего, на пару развлекали всех забавными комментариями весь урок.

После занятия домой Роза с Митей направились вдвоем, потому что Люся жила совсем в другой стороне.

— Слушай, а ты ходил уже на этот ужастик? — спросила Роза, махнув рукой в сторону огромного постера, висевшего на здании кинотеатра.

— Нет, а что?

Митя посмотрел на Розу с такой надеждой, так трогательно звучал его голос, что ей сразу стало стыдно за этот вопрос.

— Думала с подружками сходить, — быстро и как можно непринужденнее сказала она, — но не уверена, хороший или нет. Ужастики, сам знаешь, сейчас слабые...

Митя кивнул, мужественно не выдав своего разочарования. Вообще, в такой непростой для него ситуации он держался хорошо: не давил, не раздражал. Роза удивлялась, как этот мальчишка не боится быть уязвимым? Почему он так открыто показывает свои чувства? Она бы никогда не показала парню, что тот ей нравится, до тех пор, пока он первый не сделает шаг. И уж точно, думала Роза, она бы никогда не показала своих чувств, зная, что они безответны. Это унижительно! Но Митя... Митя не выглядел в ее глазах жалким, скорее храбрым, заслуживающим уважения. И пугающе решительным. Иногда Розе казалось, что, если бы она только дала ему хотя бы

маленькую надежду, он сразу бы смело во всем ей признался. От этого ей было не по себе. Что делать с его признанием, она не имела ни малейшего понятия, поэтому старалась не создавать ситуации, которые могли навести его на мысль, что вот сейчас самое время облегчить душу.

У подъезда они стояли долго. Митя все говорил и говорил, а Роза из вежливости поддерживала разговор.

— Слушай, а как у тебя стрижка называется? — спросил он.

— Не знаю, просто вот длина такая.

— Каре?

— Не, это совсем короткие, а у меня средние... Я не стригла давно. И волосы так вьются, что их настоящую длину определить сложно без мытья.

— Красиво очень.

Роза улыбнулась. Они замолчали.

К ним подошла старушка-соседка с первого этажа. Роза поздоровалась с ней, а та сказала, глядя на клумбу у подъезда:

— Какую красоту вы с мамой нам насадили, Розочка! Ну какую красоту! Маме от меня передай огромную благодарность, и вот еще, — шепотом добавила она, доставая из пакета ведро клубники, — я из сада привезла. Своя, свеженькая. Угоститесь с мамой.

— Да что вы, не нужно!

— Полакомитесь, полакомитесь! Здоровенькие будете!

Звонкие чувства

Роза крепко прижала к себе белое прозрачное пластиковое ведерко клубники и благодарно улыбнулась. Когда соседка ушла, Митя с восхищением сказал:

— Вы с мамой это посадили?

Роза нехотя ответила:

— Мама. А я иногда ей помогаю полоть и поливать. Она учитель биологии, она это все любит.

— Очень красивые цветы!

Роза молчала.

Клубника сладко пахла, и Роза стала специально вдыхать почаще, чтобы чують аромат. Пауза затянулась. Митины глаза бегали по клумбе, по так нравившейся ему кудрявой девушке напротив, по двору. Он никак не мог придумать, о чем еще поговорить. Роза уже хотела протянуть: «Ну ла-аа-дно, увидимся», когда Митя все-таки нашелся:

— А какие экзамены ты будешь сдавать?

Наконец через полчаса Роза поднялась в квартиру. Она у них с мамой была совсем небольшая, двухкомнатная, с крохотной кухонькой, но целиком и полностью их: и юридически, и по духу. «Настоящий родной дом!» — всегда говорила мама.

Когда отец ушел, мама с Розой стали думать, о какой квартире они всегда мечтали. Решили завесить стены с выцветшими и потрепанными обоями огромными постерами старых фильмов, которые любили смотреть, и купить разные по цвету стулья на кухню: розовый, синий, фиолетовый и коричневый, — так